

Кулак Виталий

**Приключения
рыцаря из Милана**

исторический роман

18+

Виталий Васильевич Кулак

Приключения рыцаря из Милана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31515038

SelfPub; 2018

Аннотация

Действие романа происходит в Неаполитанском королевстве и в Венецианской республике в начале XIV века (1310 год) во времена Данте Алигьери. Рыцарь Франческо да Рива вынужден отправиться в Венецию, чтобы убить на поединке патриция Марио Фальеро, который шантажирует флорентийских банкиров и торговцев. В это время в Венеции зреет заговор против дожа...

Содержание

Дело в Венеции	4
Глава 1. Задание флорентийца	5
Глава 2. Свобода	22
Глава 3. Маркиз Бертран Арне	45
Глава 4. «Царица дорог» и спасение Антонии	59
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Дело в Венеции

От боли и тоски я изнемог.

Не ведаю, презрев земли законы,

Куда меня влечет враждебный рок,

Какие мне еще сулит препоны.

Я на чужбине всюду, как листок,

Что оторвался от родимой кроны... Гвидо Гвиницелли

Глава 1. Задание флорентийца

*Неаполь, Неаполитанское королевство,
апрель 1310 года*

Когда шесть месяцев находишься в королевской тюрьме Неаполя, забываешь про то, что где-то там снаружи может быть нормальная жизнь с чистой постелью, вкусной едой и хмельным вином. Особенно, если нет надежды, что в ближайшие месяцы или даже годы тебя все-таки выпустят из каменных стен.

Пятьсот золотых флоринов, которые требовали от меня королевские чиновники в уплату многочисленных долгов, у меня не было, и я не знал, где их можно раздобыть. Конечно, требование королевских чиновников было вполне справедливым, я с этим даже не спорил. Молодой неаполитанский король анжуец Роберт¹ нуждался в деньгах, чтобы помочь своему старшему брату Карлу Мартеллу² сохранить за собой венгерский трон, да и на собственные нужды ему требовались значительные суммы, и поэтому его чиновники прилагали максимум усилий, чтобы в этом ему помочь. Невольной

¹ Анжуец Роберт – Роберт Мудрый (1277-1341) из Анжуйской династии, граф Прованса, с 1309 года – король Неаполитанского королевства.

² Карл Мартелл (1271-1295) – старший брат Роберта Мудрого, принц Салерно, наследник неаполитанского престола, номинальный король Венгрии.

жертвой амбиций неаполитанского короля стал и я, Франческо де Рива, как и многие другие мелкие дворяне.

Хорошо еще, что другой старший брат Роберта, которого звали Людовик³, не нуждался в его помощи, так как избрал путь священника, а не воина и правителя. В противном случае, как говорили в тавернах неаполитанцы, Роберту пришлось бы и ему помогать по своей душевной доброте.

Возможно, внести за меня долг согласился бы мой товарищ Антонио Боттурини, но он к этому времени уже год как был мертв. Он покоился в земле, если, конечно, после смерти этот неаполитанец наконец-то сумел найти покой. Какой-то гибеллинский меч⁴ вспорол его живот в одной из стычек на севере, и мой товарищ больше никогда не сможет мне помочь.

Замок Кастель-дель-Ово⁵, где находится королевская тюрьма, нельзя назвать гостеприимным. Кажется, королевские чиновники решили поставить рекорд по количеству заключенных в нем. Камеры тюрьмы переполнены, и приходится постоянно быть под чьим-то присмотром. К сожалению, для бедных дворян в Кастель-дель-Ово не предусмотрены даже сносные условия пребывания.

³ Людовик (1274-1297) – старший брат Роберта Мудрого, епископ Тулузы.

⁴ Гибеллинский меч – Гибеллины – в XII—XV веках в Италии партия сторонников императора Священной Римской империи. Боролись против гвельфов, сторонников Римского Папы.

⁵ Замок Кастель-дель-Ово – средневековая крепость на острове в Тирренском море, соединённом узкой насыпью с Неаполем. Второе название – «Замок яйца».

В какой-то мере утешением мне может служить тот факт, что лет сорок назад в этом замке держали взаперти Конрадина⁶, короля Сицилии из рода Гогенштауфенов. Правда, держали его в Кастель-дель-Ово до тех пор, пока не казнили, но я очень надеюсь, что со мной до этого не дойдет.

За те пятнадцать лет, что я живу в Неаполитанском королевстве, наверное, можно было бы уже привыкнуть к характеру местных жителей. Еще шесть месяцев назад неаполитанцы мне казались милыми людьми, разве что может быть чересчур бесцеремонными и болтливymi. Однако, если побудешь полгода в одной камере с пятью неаполитанцами, начнешь их тихо ненавидеть. Нет, дело до смертоубийства не дойдет, просто начнешь переоценивать свое отношение к неаполитанцам.

Самым назойливым и беспокойным в нашей камере является Дженнаро, моряк из Салерно, который со своими товарищами, имена коих он, к своей чести, отказывается называть, занимался контрабандой (поговаривают, что он не брезговал и пиратством, но это, скорее всего, только слухи).

Это плотного сложения мужчина среднего роста с широкими плечами, очень черными жесткими волосами, вызывающим взглядом и неукротимым нравом. На пальцах рук у него два золотых кольца, и даже тюремные охранники по-

⁶ Конрадин (1252-1268) – король Иерусалима, король Сицилии, герцог Швабии из рода Гогенштауфенов. Лидер гибеллинов. Французские рыцари разбили войско Конрадина и в 1268 году его казнили в Неаполе

боялись их снять. Дженнаро подозревали в контрабанде, но доказать этого пока так и не смогли. С первого своего дня появления в нашей камере он постоянно расспрашивал меня о моем родном Милане, сочувствовал, что мне пришлось оттуда уехать, утешал, говорил, что всё, мол, наладится.

Между собой мои сокамерники разговаривают так, будто бы они ругаются. Но на самом деле это их обычная манера общения. К такому поведению жителей Неаполя я уже успел давно привыкнуть.

Я подошел к стене и выглянул в маленькое окошко, через которое к нам в камеру попадал свежий морской воздух. Окно выходило во внутренний двор, поэтому моря видно не было, но глоток чистого воздуха получить можно было легко.

– Да, у нас в Неаполе хороший воздух, синьор Франческо, – сказал мне Дженнаро, как бы продолжая прерванный разговор, хотя ни о чем подобном мы с ним давно не говорили.

С тем, что в Неаполе хороший воздух, можно было поспорить и выиграть спор. В некоторых городских кварталах, следует сказать, пахнет очень неприятно. Особенно это чувствуешь, если возвращаешься в столицу Неаполитанского королевства из какого-нибудь долгого путешествия. А вот в окрестностях Неаполя и на побережье воздух действительно очень приятный. Таким воздухом хочется дышать как можно дольше.

– Хорошо, что вас, синьор Франческо⁷, посадили сюда к нам, а ведь могли, как многих дворян отправить на Вомеро.

Неаполитанец имеет ввиду новый замок Сант Эльмо, построенный лет двадцать или тридцать назад на холме Вомеро. Крепость полностью не достроена, предстоят еще большие работы, но уже сейчас там находятся судебские чиновники Неаполитанского королевства и тюремные камеры, в которых содержат самых опасных преступников из числа дворян. К счастью, лично мне еще не довелось побывать в том месте, однако я слышал много нелестных отзывов о нем, и поэтому согласно киваю:

– Да, Дженнаро, я доволен, что сижу здесь, а не в Сант Эльмо.

В этот момент заскрипела дверь, в проходе показался один из охранников.

– Да Рива, выходи! – приказал он.

Такой поворот событий меня определенно удивил. Судейские чиновники уже целый месяц как забыли о моем существовании, перестали вызывать на беседы, во время которых настойчиво требовали, чтобы я заплатил свои долги, обещая в противном случае всякие кары на мою голову. Иногда, впрочем, угрозы заменялись ласковыми увещеваниями и призывами к моей христианской добродетели. Однако, моя

⁷ Синьор – самый незначительный дворянский титул в Средневековой Италии. Синьоры зависели (владели землей) от баронов или напрямую от герцогов и королей. Впоследствии так стали обращаться к мужчинам.

христианская добродетель оставалась молчаливой – ей просто не было чем отозваться на призывы королевских чиновников.

* * *

– Куда меня ведут? – спросил я у тюремщика, когда мы вышли в центральный коридор замка.

– К начальнику тюрьмы, синьор, – доброжелательно ответил он.

Тут мне следует признаться, что на сердце моем немного отлегло. Я опасался, что чиновники придумали что-то новенькое, и будут вести со мной разговоры несколько часов подряд. Я же совсем не хотел их слушать. То, что меня вели к коменданту Кастель-дель-Ово, могло означать как хорошее, так и плохое, но я всё еще оставался оптимистом, несмотря на все испытания, выпавшие на мою тридцатичетырехлетнюю миланскую голову.

Солдат подошел к красивой деревянной двери, уважительно постучал в неё. Изнутри раздались какие-то слова, которые я совершенно не разобрал. Но тюремщику, видимо, они были знакомы, так как он открыл дверь и подтолкнул меня в спину, после чего я оказался в кабинете начальника тюрьмы. Солдат сразу же удалился, плотно закрыв за собой дверь.

– А, синьор да Рива! – воскликнул Лука Чизолла, отки-

дываясь на спинку мягкого стула. – Проходите, прошу вас. Присаживайтесь.

Комендант Кастель-дель-Ово был само воплощение благожелательности и доброты. Это мне сразу же не понравилось. Когда с тобой так обращаются люди, от которых нельзя ждать подобного поведения, знай, что неприятности близко. «На устах мёд, а в сердце лёд», как говорил мой ныне покойный дед. Я не сильно удивился бы, если б он предложил мне выпить бокал вина.

– Спасибо, синьор Чизолла, – я присел на предложенный мне стул. – Так зачем вы меня вызвали?

Зная манеру общения неаполитанцев, а комендант Чизолла был коренным жителем Неаполя, я сразу же перешел к делу. В противном случае мы с ним потратили бы не менее часа, обсуждая самые разные вопросы, но не говоря о главном.

– Понимаете ли, синьор да Рива, с вами желает поговорить один синьор..., – мне даже показалось, что комендант смутился, чего от него никак нельзя было ожидать. Смутить такого человека как он не могла бы даже голая любовница, внезапно выбежавшая утром на лоджию подышать свежим воздухом. – Я думаю, вам будет полезна эта встреча. Подождите, пожалуйста, две минуты.

После этих слов синьор Чизолла встал из-за стола, подошел к двери, ведший в какое-то внутреннее помещение, и вышел. Я остался один в кабинете начальника тюрьмы. День

подходил к концу. Окна в кабинете Чизоллы были открыты-ми. Я с удовольствием дышал свежим морским воздухом. В кабинете приятно пахло какими-то маслами и кожей, но не застарелой, а новой.

Прошло не менее десяти минут, прежде чем внутренняя дверь открылась, и в кабинет вошел незнакомый мне мужчина. Всё это время я сидел неподвижно на стуле. Меня не покидало чувство, что за мной кто-то внимательно тайно наблюдает. Возможно, наблюдал тот человек, который теперь занял место Чизоллы.

Незнакомец молча сидел на стуле, внимательно рассматривая меня. Я же в свою очередь смотрел на него.

Это был мужчина довольно высокого роста, что ощущалось, даже когда он сидел, с ухоженной внешностью и скорее пожилой, чем средних лет. Ему было лет пятьдесят, не меньше. Взгляд уверенный и гордый. На незнакомце надет черный плащ, который обвивает всё его гибкое тело. Оружия я не заметил, хотя не сомневался, что под плащом у него найдется острый кинжал. Раньше я этого человека никогда не видел, но мог поклясться, что передо мной сидит богатый дворянин, причем вряд ли он был уроженцем итальянского юга, скорее всего его корни где-то на севере Италии.

– Здравствуйте, синьор да Рива, – наконец прервал молчание незнакомец. – Разрешите представиться, меня зовут Никколо Роцци. Я думал, что вы не такой худой, как оказалось на самом деле.

Вообще-то меня нельзя назвать худым, просто шестимесячная королевская диета, состоящая исключительно из рыбной похлебки, не способствует сохранению хорошей физической формы. Объяснять это незнакомцу я не собирался, и поэтому только ухмыльнулся, надеясь, что гримаса получилась не слишком пугающей. Гость коменданта тюрьмы сразу же добавил:

– Впрочем, то, что в тюрьмах кормят отвратительно, всем известно. Надеюсь, синьор, вы скоро уладите все свои недоразумения с королевскими чиновниками, и вас отпустят.

– Синьор Никколо, давайте говорить прямо. Не нужно терять времени даром. За шесть месяцев, что я провел в этих стенах, у меня порядком расшатались нервы. Если вы хотите мне что-то сказать – говорите. Если нет – я, пожалуй, пойду обратно в камеру. На ужин обещали свежую похлебку из скумбрии.

Может быть, мои слова были немножко грубы, не спорю, но мне хотелось получше узнать человека, попросившего встречу со мной, и давшего, видимо, большую взятку начальнику тюрьмы. Кем бы ни был незнакомец, но терпения ему не занимать.

– Вы, конечно, правы, синьор да Рива. Я действительно хочу с вами кое о чем поговорить. Это очень конфиденциальный разговор. Я надеюсь, что если вы не согласитесь с моим предложением, то не станете о нем никому рассказывать. Не так ли, синьор?

– Конечно. Вы, наверное, кое-то узнали обо мне, прежде чем прийти сюда, и знаете, что я не имею привычки болтать попусту. Поэтому насчет конфиденциальности можете не переживать, – сказал я, подумав, что есть более надежный способ сохранения тайны, чем обещания дворянина.

– Позвольте тогда вначале отметить, что я слышал о вас много хорошего. Меня уверяют, что вы настоящий рыцарь, человек слова, благородный и отважный. Вы всегда выполняете данное обещание, что в наши дни можно считать еще одной добродетелью. Мне также известно, что вы хороший солдат. Представьте себе, кое-кто еще помнит, как вы в 1299 году отличились в битве при Фалконаре⁸.

Я тоже никогда не забуду то сражение в Сицилии на равнине Фалконара, между Марсалой и Трапани, когда погибло так много моих товарищей. На той равнине остались лучшие кавалеристы Неаполя, бывшие когда-то настоящим украшением неаполитанского рыцарства.

– Еще я слышал, что адмирал Руджеро де Лория⁹, – продолжал таинственный посетитель, – был о вас хорошего мнения. Это о многом говорит. Вы неплохо дрались под флагом этого сицилийско-каталонского адмирала, только я не пойму как вы к нему попали. Впрочем, это не мое дело.

⁸ Битва при Фальконаре произошла 1 декабря 1299 года между армией короля Сицилии Федерико II и армией Филиппа I Тарентского.

⁹ Роджеро де Лория (1245-1305) – военачальник из Арагона, с 1283 года – адмирал Сицилийского королевства.

И это тоже было правдой. Довелось мне несколько лет после бегства из Милана (об этом я, возможно, расскажу когда-нибудь потом, с вашего позволения, если, конечно, хватит времени и сил, и не помешают враги, которых, вообще-то, в последние годы стало гораздо меньше, чем раньше), поскитаться по Южной Италии и по Сицилии, пока не обосновался, наконец, в Неаполе. Так получилось, что мне взбрело в голову по юности и от безденежья записаться в армию адмирала Роджеро де Лория, у которого как раз сицилийский король Федерико II¹⁰, младший сынишка умершего в 1285 году Педро Арагонского¹¹, отобрал его земли и замки. Естественно, гордый каталонский дворянин этого просто так оставить не мог. Он попытался вернуть свои сицилийские владения, но не тут-то было. В битве при Катандзаро¹², где и мне довелось побывать, Федерико II нас разбил, оставив ни с чем не только де Лорию, но и меня с еще тремя сотнями бедных дворян, служивших в его армии.

Так уж получается, что армии, в рядах которых я нахожусь, почему-то терпят поражения. Нет, конечно, были отдельные победы, но в итоге всё сводилось к общему поражению. Так, кстати, было и в 1302 году, когда несколько мо-

¹⁰ Федерико II (1272-1337) – сын короля Арагона и Сицилии Педро, и Констанции Сицилийской. С 1295 года – король Сицилийского королевства.

¹¹ Педро Арагонский (1239-1285) – король Арагона и Валенсии, граф Барселоны. С 1282 года – король Сицилии.

¹² Битва при Катандзаро произошла в 1297 году, и стала одной из битв «Сицилийской вечерни».

их товарищей уговорили меня вместе с ними поступить на службу к Карлу Валуа¹³, брату короля Франции Филиппа IV Красивого, набравшего солдат для вторжения на Сицилию. Тогда, помню, немногим удалось отплыть из Сицилии. Все трое моих приятелей остались в сицилийской земле. Мне повезло получить только ранение в ногу.

– Как видите, я многое о вас знаю, синьор да Рива, – посмотрел на меня человек, называвший себя Никколо.

– Да, – признал я, – вы приложили много усилий, чтобы узнать обо мне и чтобы встретиться со мной.

Этот синьор, конечно, кое-что знал обо мне, но не всё. Кое-кто, будь он в живых сейчас, мог бы рассказать больше.

– Так что вам надо, синьор? – спросил я, прямо глядя в лицо незнакомца. – Зачем я вам нужен? Вы, верно, не просто так вспомнили о моих военных заслугах. Должен вас предупредить, что я не совершаю подвиги. Слухи, как это всегда бывают, намного преувеличены. В Неаполе я знаю десяток достойных синьоров, владеющих мечом лучше меня, и у которых больше достоинств, чем у меня. Поэтому я вас сразу предупреждаю – подвиги не для меня.

– Благодарю вас за это предупреждение и за откровенность. Но я не попрошу от вас совершения подвигов взамен на свободу.

¹³ Карл Валуа (1270-1325) – брат короля Франции Филиппа IV Красивого, претендовал на престол императора Священной Римской империи, претендовал на роль короля Сицилии.

– Что же вы попросите взамен?

– Вам нужно будет убить одного человека, синьор да Рива.

* * *

Таинственный синьор не шутил. Убить человека в наше время – не очень сложная задача. Можно сказать, вполне обычное дело. Каждый день в том же Неаполе убивают несколько человек. Сколько точно – не скажут даже местные судейские чиновники. Еще больше пропадают без вести, и их никто больше никогда не видит. Нет сомнения, что и они уходят в мир иной по чей-то злой воле. В этом городе убивают по тем же причинам, что и в других городах или в других странах. Мечь, деньги, ревность, власть – вот основные причины убийств. А есть еще и ссоры, зависть, и, конечно, любовь, куда уж без неё.

Несколько раз я сам убивал, что тут скрывать. Но это было на войне, на рыцарских турнирах и пару раз во время поединков чести. Таинственный посетитель же предлагал убить человека в обмен за деньги, что мне совсем не нравилось. Если уж суждено кому-то умереть, то пусть всё произойдет по воле Бога, на войне или в честном поединке.

– Прекрасно понимаю вас, синьор – сказал мужчина в черном плаще. – Вы рыцарь и благородный человек, и к тому же хороший католик. Поверьте, есть люди, которые заслуживают смерть, поэтому вы даже сделаете своего рода доброе де-

ло. Кроме того, разве вы можете другим способом выйти отсюда? Вы уже шесть месяцев находитесь в тюрьме, и пробудете в ней до тех пор, пока не умрете от дизентерии или какой-нибудь другой заразы, или пока не заплатите по своим долгам.

Синьор Никколо, конечно, был прав во всём.

– Если вы не согласитесь, синьор, то я прослежу, чтобы король Роберт не был милосердным к вам. Мне почему-то кажется, что он захочет сделать вас наглядным примером того, что будет с теми, кто не платит по своим долгам. Вы будете очень хорошим примером в этом, да Рива, – продолжал ораторствовать таинственный посетитель. – Когда узнают, что вы сгнили в тюрьме, местные дворяне, не говоря уже о горожанах, быстренько начнут отдавать долги.

– Только не надо меня пугать, синьор, – сказал я, с едва заметной улыбкой, так как уже давно знал своё очень вероятное будущее.

– Я хочу, чтобы вы поняли, что может случиться при вашем отказе. В случае согласия, все ваши долги будут уплачены, вас выпустят на свободу, дадут много денег, а после того, как вы сделаете работу, можете поступать так, как вам заблагорассудится. Триста золотых флоринов вам хватит для того, чтобы начать новую жизнь в любом месте, где захотите.

– Пятьсот и триста флоринов. Вместе получается восемьсот флоринов. Это очень большая сумма. За такие деньги вы могли бы набрать небольшую армию профессиональных

наемных убийц. Они по вашему приказу убили бы любого. Я не наемный убийца. Я солдат, синьор, и могу ошибиться, ведь бывают разные случайности.

– Да, это большие деньги, – согласно кивнул мой собеседник. – Дело очень щепетильное, оно требует полной тайны. В вас мы уверены. Вы будете молчать. У вас ведь, кажется, еще остались в Милане родственники? Если же допустите ошибку, то сами её и исправите. Вы согласны, синьор?

Помощь этого таинственного синьора мне очень была нужна, что тут скажешь. Однако, участвовать в деле, которое он предлагал, мне совсем не хотелось. Что ж, видимо, настала пора отбросить в сторону щепетильность.

– Я согласен, – мой голос, надеюсь, звучал твердо. – Как имя этого человека и где он живет?

При этих словах мне показалось, что синьор Никколо вздохнул с облегчением. Но может быть, только из-за игры теней и порыва ветра у меня сложилось такое впечатление? В противном случае следует признать, что он не такой хладнокровный и сдержанный человек, каким хочет казаться.

– Прекрасно, тогда давайте перейдем к делу. Его зовут Марио Фальеро¹⁴. Это купец, политик и генерал из Венеции. Вы слышали что-нибудь о нём, синьор Франческо?

В Венеции я был всего один раз, и то в двенадцатилетнем

¹⁴ Марио Фальеро, иногда – Марино Фальеро (1274-1355) – член старинной патрицианской венецианской семьи; торговец, военачальник, дипломат. С 1354 года – дож Венеции.

возрасте, когда меня с собой в деловую поездку взял отец. В Венеции у нашей семьи в те годы были деловые интересы, и отец иногда посещал этот город. У меня о нём остались какие-то двойственные впечатления. С одной стороны – красивый город, а с другой – не очень традиционный. Мне, как уроженцу Милана, тогда был не очень по нраву морской характер Венеции. Что же касается Фальеро, то эту фамилию я слышал. Очень богатая и влиятельная венецианская семья. Теперь я понял, почему мне платят восемьсот золотых флоринов.

– Вы имеете ввиду семейство Фальеро, чьи члены заседают в Большом совете? Я слышал об этой семье, но ничего определенного. О Марио мне вообще ничего не известно. Последние лет пятнадцать, знаете ли, у меня были совсем другие интересы здесь в Неаполе. Я не следил за политической жизнью в других итальянских городах и республиках. Это, кажется, очень могущественный человек.

Синьор Никколо презрительно пожал плечами:

– Вы так думаете? Уверяю вас, что есть в Италии гораздо более могущественные люди. Да это тот самый Фальеро. Он занимается торговлей и политикой. Иногда участвует в военных походах, и, нужно признать, довольно успешно. Его то вы должны убить.

– Но как? – я поднял голову. – Как вы себе это представляете?

Мой собеседник опять пожал плечами:

– Мне всё равно как вы это сделаете. Подсыпьте ему яд в вино, вызовите на поединок, возьмите себе пару помощников и устройте ему засаду, наконец. Придумайте, как это сделать. Мне способ не важен. Главное результат, и то, чтобы работа была сделана как можно быстрее, скажем, до 15 июня. Вы поняли меня, синьор?

Всё это мне очень не нравилось. Если раньше тюрьма мне казалась большой бедой, то теперь ситуация, в которую я попал, оказалась еще более опасной. Но выхода не было.

– Я вас понял. Я это сделаю. Похоже, вы мне предложили очень опасную работу, синьор.

– И я за неё очень щедро плачу. А теперь слушайте...

Глава 2. Свобода

Когда я вышел из Кастель-дель-Ово, уже был поздний вечер. Я мог остаться в замке до утра – комендант предлагал мне переночевать в комнате для гостей, вполне разумно считая, что ходить поздно вечером и ночью одному по улицам столицы Неаполитанского королевства не очень безопасно. С этим я был полностью согласен, но оставаться в замке уже не мог – шесть месяцев в его стенах не прошли даром, и я хотел поскорей оказаться под открытым небом.

С синьором Никколо мы обсудили некоторые подробности предстоящего дела, и он пригласил меня на следующий день зайти в гостиницу «Море», расположенную прямо на пьяцце Сан Гаэтано¹⁵.

– Я там пробуду до конца июня, – сказал он. – Поэтому вы можете писать мне туда на мое имя: синьор Никколо Роцци. Завтра жду вас там в семь часов вечера. Возможно, у вас появятся какие-то идеи, предложения или вопросы.

Пьяцца Сан Гаэтано мне была хорошо знакома. Это центральная площадь Неаполя, там располагаются различные административные здания и парламент, филиалы банковских и торговых домов, представительства некоторых городов и республик, а также базилика Сан Гаэтано. В общем, сеньор Роцци, остановившись в гостинице «Море», подтвер-

¹⁵ Пьяцца Сан Гаэтано – площадь в историческом центре Неаполя.

ждал, что он человек богатый и влиятельный.

Неаполь уже погрузился в сон. Только иногда то в одной, то в другой стороне раздавались песни и веселый смех возвращавшихся домой запоздалых гуляк. Я думал о том, кто же такой Никколо Роцци. Понятно, что он нанял меня не от своего имени – за ним стоит, видимо, целая группа каких-то влиятельных людей. Также я понимал, что зовут моего неожиданного спасителя совсем не Никколо Роцци. Ну разве будешь в здравом уме и трезвой памяти нанимать убийцу под своей собственной фамилией, если есть возможность скрыть эту информацию? Конечно, нет.

Синьор Никколо приложил все возможные усилия, чтобы сохранить своё настоящее имя в тайне. Конечно, при сильном желании можно было бы вежливо попросить синьора Чизоллу назвать имя этого таинственного посетителя. Однако, я был почти уверен, что и комендант крепости не знает его настоящее имя. Я готов был поклясться, что и ему он представился так же, как и мне. Можно спорить на то, что в гостинице его тоже знают под именем Никколо Роцци.

Тем не менее, коё что мне все-таки известно об этом человеке. Прежде всего, он – флорентинец. Уж флорентийское произношение я могу отличить, пусть он и пытался его скрыть. Однажды я месяца два прожил во Флоренции, а потом, уже здесь в Неаполитанском королевстве долго общался с одним флорентийским дворянином. Поэтому флорентийское произношение мне очень хорошо знакомо. Роцци был

уроженцем Флоренции, или какого-нибудь другого региона Тосканы. В этом у меня не было ни малейшего сомнения.

Флорентийское произношение гортанных звуков, когда зачастую звучание буквы «к» заменяется на «х», невозможно ни с чем спутать. Конечно, это не единственный признак флорентийского «диалекта». Есть, как я понимаю, еще несколько признаков. Например, флорентинцы часто употребляют слова с уменьшительно-ласкательным суффиксом *ino*, а также «проглатывают» буквы, и где надо и где не надо сокращают слова.

Впрочем, о произношении и диалектах пусть лучше рассуждает Данте¹⁶. Может быть, он ещё допишет свой трактат *De vulgari eloquentia*¹⁷ о народном итальянском языке, который, как мне известно, пока дописан только до 14-й главе 2-й книги. Великий флорентинец утверждает в этом трактате, что в Италии есть не менее четырнадцати наречий, не считая многочисленных различий внутри регионов. Тосканцам, в том числе и флорентинцам, конечно, он отказывает в том, что они говорят на народном итальянском языке:

«Перейдем к тосканцам, которые в своем несносном безрассудстве явно притязают на честь блистательной народной речи. И тут упорно безумствует не только простой народ, но,

¹⁶ Трактат *De vulgari eloquentia* – незаконченный трактат Данте Алигьери «О народном красноречии», датируемый 1303-1304 гг.

¹⁷ Трактат *De vulgari eloquentia* – незаконченный трактат Данте Алигьери «О народном красноречии», датируемый 1303-1304 гг.

как нам достоверно известно, упорствуют также и очень многие именитые мужи». ¹⁸

Вот такой бескомпромиссный Данте. Надеюсь, он не попадет в руки своих соотечественников, которые официально пообещали его сжечь ко всем чертям.

Но что-то я увлекся. Продолжим. В общем, я был уверен, что Сеньор Никколо является уроженцем Флоренции или Тосканы. Но что это мне давало? Одновременно ничего и вместе с тем очень многое.

* * *

Мои размышления прервал грубый голос:

– Стой, приятель! Ну ка остановись, говорят тебе!

От стены заброшенного монастыря францисканцев отделились четыре фигуры и приблизились ко мне. Сразу было понятно, что мне «повезло» повстречаться с неаполитанскими ночными грабителями, которые обирают запоздавших одиноких путников. Такие ребята в живых никогда никого не оставляют, чтобы не было свидетелей. В этом обычае есть определенный смысл – ведь за грабеж могли запросто повесить на виселице, что, согласитесь, никому не понравится.

Я так увлекся своими мыслями, что не заметил притаившихся под стеной монастыря этих любителей наживы. Хо-

¹⁸ Отрывок из трактата Данте «О народном красноречии».

тя их было как минимум четверо, бежать я не собирался. Я остановился и сказал:

– Доброй ночи, синьоры. Вы что-то хотели?

Возможно, в другой ситуации, не будь со мной оружия, я бы предпочел убежать, тем более, что сейчас при мне было целое состояние – двести золотых флоринов, спрятанных в мешочек и засунутых за пазуху, аванс от синьора Никколо, – но при выходе из замка мне отдали мой болонский меч, и поэтому волноваться мне не следовало. Волноваться должны были остановившие меня грабители. Этот меч мне подарил Джакопо Гоцци из Болоньи.

После отъезда из Милана я целый год прожил в Болонье, прежде чем отправился на юг, и довольно близко сдружился с Джакопо, который в то время с полным правом считался одним из самых лучших фехтовальщиков в городе. Почти год я посещал занятия Джакопо Гоцци, и, смею вас уверить, кое-чему полезному у него научился. Перед отъездом из Болоньи он подарил мне один из своих мечей. Это был болонский легкий меч с узким лезвием средней длины и с небольшой рукоятью из слоновой кости. Его ножны были сделаны из прочной тисненой кожи.

Главное отличие болонского меча от своих «собратьев» заключается в небольшой рукояти, из-за чего указательный палец должен перекидываться через перекрестье. Признаться, я долго привыкал к такому способу удержания оружия, но, в конце концов, даже признал его эффективным. Имел-

ся у меня и второй меч, но это был настоящий длинный рыцарский меч с широким лезвием. Однако, я пользовался им редко, предпочитая для повседневного использования подарок Гоцци.

За последние четырнадцать лет этот болонский меч побывал во многих делах, но он по-прежнему находился в отличном состоянии. Нужно признать, что в моем родном Милане делают прекрасные доспехи, а вот оружию там уделяют меньше внимания, чем следовало бы.

Между тем головорезы окружили меня со всех сторон, зайдя, конечно, и мне за спину. Для них нет ничего приятней и безопасней, чем стукнуть дубинкой честного человека по голове, а когда он упадет, потеряет сознание или не дай Бог, уйдет в мир иной, обобрать его, достав из его карманов всё, что там отыщется.

– О, да он пьяный, Антонио, – весело сказал кто-то из них. – Он, наверное, все свои денежки пропил. Вернее наши денежки пропил.

Пьяным я не был. Возможно, воздух свободы меня, как говорится, и опьянил, и поэтому я несколько раз споткнулся. Со стороны меня, наверное, можно было принять за человека, выпившего в большом количестве вина, хотя на самом деле это было не так. Меч из ножен я не доставал, зато снял со своих плеч плащ и обмотал им левую руку. У нападавших я мечей не заметил, они были вооружены увесистыми дубинками и кинжалами.

– Эй, приятель! У тебя деньги есть? Сколько у тебя осталось карлино?¹⁹

Ссориться тогда мне совершенно ни с кем не хотелось. Я был настроен очень мирно и дружелюбно. Зачем ссориться, если можно попробовать выпутаться из сложившейся ситуации мирным путем? Поэтому я сказал:

– С собой у меня денег нет. Но если вы проводите меня ко мне домой, то я подарю каждому из вас по пять карлино.

Они переглянулись между собой. Похоже, раньше им никто ничего подобного не предлагал, и поэтому они оказались в некоторой растерянности. Но тут один из грабителей угрожающе поднял свою дубинку и сделал шаг вперед.

– Хватит шутить! Вынимай свой кошелек или умрешь!

Вместо кошелька я вынул меч. Я с удовольствием услышал звук, с которым клинок выходил из ножен. Уже шесть месяцев мне не доводилось слышать ничего подобного. Очень приятный звук. Но еще приятней было держать в руке болонский меч. Несмотря на обычный вид, он представлял собой настоящее произведение искусства, и стоил немало денег, насколько я знаю. Его выковали в самой лучшей оружейной мастерской Болоньи, так что убивал он быстро и легко.

– Посмотри, Антонио, – прокомментировал мои действия чей-то визгливый голос, – он решил нас попугать своей пал-

¹⁹ Карлино – серебряная монета, имевшая хождение в Неаполитанском королевстве.

кой.

Разговаривать больше я не стал. Вместо этого за три секунды я сделал два выпада и нанес два колющих удара. Первым ударом я ранил в плечо ближайшего ко мне противника, а вторым – поразил, впрочем, тоже не смертельно, обладателя визгливого голоса. Оба раза лезвие меча вонзилось в тела грабителей сантиметра на два, не более. Причем в те участки тела, где не было жизненно важных органов или крупных сосудов. Этого было достаточно для того, чтобы отбить у них желание убивать меня.

В тишине я услышал вначале вскрики и стоны раненых, а потом их проклятия. Эти звуки свидетельствовали, что ранения можно считать поверхностными, и в ближайшее время никто из пострадавших не умрет.

Оглянувшись по сторонам, я увидел, что двое уцелевших грабителей побросали дубинки, и подхватили своих раненых товарищей. О нападении на меня они уже не думали. Впрочем, они могли ведь и передумать, и решить отомстить. Поэтому я сделал несколько шагов назад, а потом обернулся, и быстро зашагал к пяцце Гаэтано, недалеко от которого находился дом, в котором я снимал две небольшие комнаты. За мной никто не гнался. Я был рад, что не пришлось никого убивать, что наконец-то вышел из тюрьмы, что скоро смогу отдохнуть у себя дома. Воздух свободы опьянил меня, и я был само воплощение гуманизма.

К дому синьоры Луизы Риолли, расположенному недалеко от пьядцы Гаэтано, я дошел часов в одиннадцать. В доме этой синьорины я вот уже восемь лет снимал две комнаты на втором этаже, чем был полностью удовлетворен. Муж синьоры Риолли был одним из моих приятелей, погибших в 1302 году на Сицилии, находясь на службе у Карла Валуа. После своей смерти синьор Риолли оставил вдову, десятилетнего сынишку Джакопо, виллу с виноградниками, а также небольшой, но уютный двухэтажный домик в одном из тихих кварталов Неаполя.

Луиза Риолли больше замуж так и не вышла, хотя несколько богатых неаполитанцев пытались заполучить её руку и сердце. Она, как говорится, всю себя отдавала воспитанию сына и домохозяйству. Правда, Луизе пришлось продать большинство принадлежавших ей земель, включая и виноградники, и сдать в аренду виллу, которую один предприимчивый торговец использовал для производства и хранения вина. На получаемые от этого торговца деньги синьора Риолли и жила, держа дом в Неаполе и сына, который, несмотря на свой девятнадцатилетний возраст, никак не мог найти себе занятие по душе. Деньги, которые платил я за то, что снимал две комнаты в этом доме, были скорее символическими, чем приносящими реальную материальную выгоду.

ду. Впрочем, квартплату Луизе Риолли я уже задолжал почти за восемь месяцев. Ко мне она относилась скорее как к младшему брату, чем как к жильцу, дающему деньги.

Я поднялся по ступенькам. Постучал в массивные деревянные двери дома синьоры Риолли. При этом я не забывал громко кричать: «Это я, Франческо!» Мне не хотелось напугать жителей этого дома. Через пару минут дверь наконец-то открылась, и я увидел немного напуганную Луизу.

В то время, о котором я рассказываю, Луизе Риолли было уже немного за сорок лет, но она всё еще оставалась красивой женщиной с добросердечным характером и приятными манерами. Она была среднего роста, имела стройную фигуру, что для местных женщин редкость, загорелую кожу, красивое лицо, и спускающиеся волнами ниже плеч густые черные волосы.

– Синьор Франческо! – воскликнула она, обнимая меня. – Вас отпустили, синьор? Я так рада, что вы вернулись. Клянусь Богородицей, я каждый день молилась, чтобы вас отпустили!

Хозяйка дома говорила и говорила, казалось, из её губ слова будут литься вечно. Поэтому я вежливо вырвался из её объятий:

– Давайте пройдем в дом. Уже поздно. Мои комнаты ещё остались за мной, синьора?

– Конечно! Они ваши пока вы живете в Неаполе. Проходите!

Мы вошли в гостиную. Я слышал, как хозяйка заперла на засов входную дверь, а потом последовала за мной в комнату. Я огляделся по сторонам. За шесть месяцев моего отсутствия ничего не изменилось.

– Дайте я на вас посмотрю, – сказала Луиза, и отступила от меня на пару шагов.

– О, как вы исхудали, дорогой Франческо! – воскликнула она.

– Ничего, синьора Луиза! Главное, что меня там уже нет, а всё остальное вернется! А где Джакопо? Уже спит?

При этих словах лицо Луизы помрачнело. Тут я заметил, что время сказалось и на ней – на её лице появилось несколько новых морщинок. Известное дело – годы никого не щадят, даже самых лучших из нас.

– Нет, Франческо, – ответила она, и в её голосе была печаль. – Джакопо еще не пришел.

– Так где же он?

– Он со своими приятелями гуляет. Вернется как обычно под утро.

– Что значит «как обычно»? Раньше он себе такого не позволял. А ну ка расскажи, что там с ним такое происходит.

– Хорошо, но только я накрою тебе на стол, ведь ты, наверняка очень голоден. Садись, я сейчас принесу что-нибудь, – Луиза засуетилась, накрыла стол скатертью и начала выставлять на него тарелки, миски, рюмки.

Я помыл руки в большом тазе, стоявшем у входа, после

чего присел за стул возле стола, на который хозяйка уже поставила холодного морского окуня, козий сыр, немного жареной курицы и кувшин с ярко-красным душистым сухим вином, в букете которого ощущался миндаль и цветы.

– Кушай, не стесняйся, – сказала Луиза, и я не заставил себя упрашивать.

После того, что приходилось мне есть на протяжении последних шести месяцев в королевской тюрьме, еда синьоры Риолли была просто божественной, о чем я ей немедленно и сообщил.

– Это я знаю, Франческо! – засмеялась она. – Ты так исхудал, что сейчас любая еда тебе покажется божественной. Завтра утром схожу на Рыбный рынок, куплю что-нибудь тебе и Джакопо вкусенького. Можешь, кстати, пойти со мной, сможешь нести корзину.

– Договорились! Главное, не проспать. Кстати, вот пять флоринов. Возьми, пожалуйста, их. Это деньги, которые я задолжал за комнаты, – я положил на стол пять желтых монеток.

Луиза отрицательно покачала головой:

– Это слишком много, Франческо. Трех флоринов достаточно.

Она взяла три монетки, а остальные подвинула ко мне.

– Нет. Бери все. Я знаю нынешние цены. Не спорь. Лучше расскажи, что там с Джакопо? Где он?

Хозяйка подумала пару секунд, после чего взяла осталь-

ные монетки.

– Спасибо, – сказала она. – С Джакопо всё хорошо. Просто он в последнее время связался с плохой кампанией. Теперь его редко можно увидеть дома. Приходит под утро, чтобы выспаться днем, а после обеда опять к своим приятелям уходит. Гуляют, высеяются до утра чуть ли не каждый день.

Я оторвался от морского окуня, который и в холодном виде был очень вкусным. Слова Луизы меня не удивили. Я отлично знал, что большинство отпрысков городских дворян Неаполя и других городов Неаполитанского королевства, да и во всей Италии, предпочитают вести праздный образ жизни, чем заниматься каким-нибудь полезным делом. Больше всего молодежь в Неаполе мечтает получить какую-нибудь непыльную должность при дворе или в городской администрации. Правда, некоторые хотят сделать военную карьеру, надеясь заслужить рыцарское звание. В целом же дворянская молодежь предпочитает теперь вести праздный образ жизни. И в этом они берут во многом пример с французских дворян, которых в Неаполе при Карле Анжуйском, этом владыке юга Италии, появилось слишком много.

– И кто теперь его друзья?

Луиза помедлила с ответом.

– Да я их совсем не знаю. Это Гвидо, сын синьора Орулли, а также Антонио, младший сын синьора Росси. В их кампании есть еще два француза, они оруженосцы французских рыцарей, но их имена я не знаю.

Про сыновей синьоров Орулли и Росси, как и про нескольких других, я кое-что слышал. Поговаривали, они часто бывают в трактире «Серебряная подкова», в различных увеселительных домах, где ведутся азартные игры. В общем, отпрыски богатых семей успешно тратят деньги отцов.

– Поговори с Джокопо, а, Франческо? – просительно посмотрела мне в глаза Луиза. – Скажи ему, что нужно взяться за какое-нибудь дело, пусть поступит на службу. Я просто боюсь, чтобы он не попал в какую-нибудь плохую историю, понимаешь? Может быть, тебя он послушает.

– Поговорю, завтра же с ним поговорю, – согласно кивнул я головой, хотя и сомневался, что её сын прислушается к моим словам. Отношения между мной и Джакопо были неплохими, однако, я его кумиром явно не был. Сейчас такое время, что молодежь больше всего ценит деньги, титулы и связи.

Синьора Риолли похлопала меня по руке, выражая таким образом свою признательность. Придется как-то ей помочь.

– Ладно, пойду спать. Устал сегодня. Спасибо за ужин, – я поднялся из-за стола. – Разбуди меня утром, когда соберешься на рынок. Пройдусь с тобой, посмотрю на город.

Во время моего отсутствия Луиза содержала верхние комнаты в абсолютном порядке. Они были чисто убраны, все вещи находились на своих местах. Маленькую комнатку я использовал в качестве спальни, а ту, что побольше, – в качестве гостиной и столовой. Большая комната даже имела балкончик, с которого открывался великолепный вид на Неапо-

литанский залив. Я подошел к стоявшему в углу сундуку, открыл крышку, и положил в него деньги. При мне осталось несколько флоринов. В этом сундуке я хранил все свои самые ценные вещи, включая рыцарское свидетельство, письма от матери и брата. Заперев сундук, я улегся в постель и сразу же уснул.

* * *

Ночью мне снилось, что я опять нахожусь в Кагель-дель-Ово, причем мне почему-то совершенно не хотелось оттуда выходить. Какой-то незнакомец, чье лицо скрывала черная маска, приставил к моей груди меч и выталкивал меня из замка. Я проснулся от деликатного стука в дверь:

– Франческо, просыпайся! – говорила Луиза. – Или ты не пойдешь на Рыбный рынок?

Я протер глаза, находясь под впечатлением от неприятного сна. К счастью, это был всего лишь сон, и я находился в своей постели.

– Уже встаю! Через пять минут спущусь!

Когда я спустился вниз, Луиза уже была готова к выходу в город. Она надела длинную красную юбку и темно-красное длинное шелковое платье, доходившее почти до самой земли. Поверх платья она надела золотистого цвета кафтан без рукавов, вышитый причудливым узором. Волосы её покрывал разноцветный платок.

– Если мы не поторопимся, то я не успею приготовить завтрак, и он превратится в обед. Разве ты не хочешь есть? Возьми кусок сыра. Пойдем, поешь по дороге.

Я согласно кивнул, взял предложенный мне внушительного размера кусок козьего сыра, и спросил:

– Джакопо дома?

– Да, дома. Пришел перед самым рассветом. Очень обрадовался, когда узнал, что тебя отпустили из тюрьмы.

– Вот и хорошо. Вернемся с рынка, поговорю с ним.

* * *

К тому моменту, когда мы вышли из дома, Неаполь уже почти весь проснулся. То тут, то там нам встречались женщины, молодые девушки, почтенные отцы семейств, спешащие каждый по своим делам. Многие из них шли на рынок и к торговцам, чтобы купить свежую рыбу, мясо, овощи, фрукты и хлеб. День обещал быть ясным и солнечным, по-настоящему весенним. Заканчивался апрель. Это значило, что сирокко, сильный ветер, приходящий в Италию из Африки и из Ближнего Востока, уже растратил свой задор, и больше не приносит в Неаполь запах гниющей рыбы. Сильнее всего ветер этот запах в районе Неаполитанского залива приносит в марте, во всяком случае, такое сложилось у меня впечатление.

За время моего тюремного заключения Неаполь сильно

изменился, хотя в четырех стенах я провел всего шесть месяцев. Говорю «всего», потому что бывали случаи, когда кое-то проводил там большую часть своей жизни.

– А город изменился, – удивленно сказал я. – В лучшую сторону. К чему бы это, ты не знаешь?

Луиза посмотрела по сторонам:

– Да, с тех пор, как Роберт стал королем, многое поменялось. Привыкай, а то ты сильно отстал от жизни. Стали строить новые дома. А недавно возле церкви святой Клары Ассизской начали строить монастырь. Говорят, король выделил на это большие деньги.

Она перекрестилась. Луиза, как и большинство неаполитанок, очень благочестивая католичка, регулярно ходит в церковь, вносит пожертвования, интересуется делами своей общины.

Во время коронации Роберта Анжуйского, а это произошло в мае 1309 года, такое событие не забудешь, даже если захочешь, я еще был на свободе. Уже тогда говорили, что новый король намерен сделать из Неаполя настоящую столицу, и, судя по всему, свое обещание он выполняет. Правда, лично мне не очень понятно, откуда королевская казна берет средства на все эти празднества, строительство, а ведь нужно ещё содержать армию и, главное, королевский двор.

Позже я узнал, что хлопотал за строительство монастыря возле церкви святой Клары Ассизской ни кто иной, как Фи-

липп, братец Санчи Арагонской²⁰.

В общем, за такими разговорами и размышлениями мы быстро дошли до Рыбного рынка, располагавшегося в восточной части города недалеко от порта и от сиротского приюта, на месте которого позднее добрая королева Санча Арагонская повелела построить базилику Сантиссима-Аннунциата-Маджоре. Но это произошло гораздо позже тех событий, о которых я сейчас вам рассказываю.

* * *

Рыбный рынок встретил нас многоголосым гомоном. Со всех сторон нас окружали многочисленные торговцы и еще более многочисленные покупатели. Каждый хотел купить что-нибудь вкусненькое из даров моря, а выбрать, клянусь Пресвятой Девой, было из чего. На прилавках лежало огромное количество видов местной рыбы, которой можно было бы накормить, возникнув у кого-нибудь такое желание, наверное, не только Неаполь, но и весь Рим.

Рыбаки радовали неаполитанцев скумбрией, треской, тунцом, морским окунем, морским петухом, барабулькой, анчоусами, лавраком, угрями, морским бекасом, меч-рыбой, скастами-хвосточками, и даже акулами, имеющими, как по мне, не слишком аппетитную внешность. И это я не перечислил

²⁰ Санча Арагонская – иногда Санча Майорская (1285-1345) – жена Роберта мудрого, с 1343 года – королева-консорт Неаполитанского королевства.

тех рыб, названия которых не знаю.

Неаполитанский Рыбный рынок, конечно же, богат не только самой рыбой, но также и различными морепродуктами и другой морской живностью – креветками, мидиями, устрицами, «морскими огурцами», раками-богомолами, морскими гребешками, крабами, черными каракатицами, осьминогами и кальмарами.

Всё это ещё свежее, только что выловленное или вынутое из моря. Если задержать взгляд на омарах, то заметишь как они шевелят своими клешнями, желая спрятаться, а ещё лучше вернуться опять в море. В общем, морские деликатесы здесь в настоящем изобилии. Глаза разбегаются в разные стороны от такого разнообразия и начинается сильное слюновыделение. Хочется всё немедленно съесть. Прямо тут на рынке.

А рыбаки и их помощники мальчишки всё подносят и подносят новую рыбу. Многие местные рыбаки большинство дней в неделю проводят ночи прямо на берегу моря под своими лодками. Это удобно и прибыльно, так как можно рано утром выйти в море, а потом самым первым доставить свой улов торговцам и перекупщикам.

– Что ты будешь есть? Что купить? – вывела меня из оцепенения Луиза. – Смотри, вот отличная треска. Кажется, недорогая.

– Выглядит аппетитно, – поддержал её я. – Съем всё, что ты приготовишь!

Тут мой взгляд упал на лоток длиннорободого торговца, на котором лежала морская живность.

– Может быть, ты приготовишь сапосchia²¹? – у меня от одного вида этих морских раков-богомолв потекли слюнки. – У тебя получаются превосходные маккарони с сапосchia.

Как по мне, так морской рак-богомол намного вкусней любой креветки. Если, конечно, его правильно приготовить с оливковым маслом, чесноком, острым перцем, белым вином, луком и петрушкой. Мясо у этого членистоногого в таком случае получается очень нежное и сладкое.

– Конечно, приготовлю, – засмеялась Луиза. – И еще много всего вкусного, не сомневайся! Ты только помоги корзину донести!

Синьора Риолли с придирчивостью, свойственной, наверное, только одним неаполитанкам, выбрала рыбу и морскую живность, поспорила несколько раз с торговцами о ценах, и, наконец, сообщила, что можно идти обратно домой. В ней удивительно сочетается беспечность и скрупулезность, и это меня всегда в ней поражало.

Мы уходили с Рыбного рынка, а людей там не становилось меньше. Наоборот, прибывали всё новые и новые покупатели, а торговцам доставляли очередные дары моря.

²¹ Сапосchia – морской рак-богомол.

Когда мы с Луизой вернулись домой, колокола церковей отбили третий час²². Джакопо уже ждал нас в гостиной, умытый и с причесанными волосами. Мы с ним дружески обнялись. За шесть месяцев, что я не видел сына моего друга, он вырос ещё больше, вытянулся, превратился почти в настоящего мужчину. Джакопо недавно исполнилось девятнадцать лет. Он стал высоким, стройным, сильным парнем с густой копной черных кучерявых волос. На его лице, насколько я помню, всегда играла улыбка. А ещё он очень любопытен и непоседлив. Наверное, из-за этих качеств он никак не может, как говорится, найти себя в жизни, хотя несколько возможностей получить хорошее место у него было.

– О, ты стал настоящим мужчиной! – воскликнул я. – Если б я просидел в Капель-дель-Ово подольше, то ты, наверное, уже и женился бы.

Парень немного смутился:

– Вот если бы у вас, синьор Франческо, была б жена, то вы в Капель-дель-Ово точно не попали. Поэтому это вам нужно жениться, а не мне.

Такой поворот разговора меня не устраивал.

– Давай не будем говорить обо мне, лучше расскажи о се-

²² Третий час – в средневековье сутки делились в зависимости от церковных служб. Третий час соответствует 9-00.

бе. Что нового?

Пока мы с Джакопо разговаривали, Луиза приготовила завтрак. Было уже часов десять, когда мы наконец-то уселись за стол. Хозяйка дома в тот день расстаралась. На столе появились блюда из рыбы, жареный петух, маккарони с сапосchia, козий сыр, вино. От вида еды у меня потекли слюнки, и я начал есть всё подряд, не забывая при этом нахваливать Луизу и её кулинарные таланты.

– Чем ты думаешь сейчас заняться, Чекко²³? – спросила меня хозяйка дома. – Я слышала, новому каравану кораблей купцов Ойчолли нужен капитан военного отряда, который будет их охранять. Может, тебя возьмут?

Я немного помолчал, размышляя о том, стоит ли делиться с ней своими планами или нет. Затем, придя к выводу, что кое-что можно рассказать, ответил:

– У меня другие планы. Появилось небольшое дело в Венеции. Скоро туда поеду.

– Надолго? Какое дело у тебя там может быть, Франческо? – Луиза была немного удивлена, и я её понимал. В последние годы я редко выезжал за пределы Неаполитанского королевства, разве что несколько раз в Рим, где у меня были кое-какие дела.

– Нет, ненадолго. Неделя, максимум – две недели.

– Возьми меня с собой! – вмешался в разговор Джакопо. – Говорят, Венеция очень красивый город.

²³ Чекко – сокращенное имя от Франческо.

«И опасный» – продумал я, а вслух сказал:

– Дороги сейчас опасные. Порядка нигде нет. Оставайся лучше дома. У меня не будет времени присматривать за тобой.

Казалось, победа осталась за мной, но тут неожиданно всё испортила Луиза:

– В самом деле, почему бы тебе не взять с собой Джакопо? Он не будет тебе слишком надоедать.

«В самом деле, почему бы и не взять? Да потому, что меня там могут убить, в этой чёртовой Венеции. И его там могут убить. Потому, что я не отдыхать туда еду», – такие слова звучали у меня в голове. Но не мог же я сказать им, зачем в действительности еду в Венецианскую республику.

– Луиза, пойми, эта поездка может быть опасной, – я выразительно посмотрел на неё. Тут наконец-то она кое-что начала понимать.

– Тогда в другой раз. И вообще, Джакопо, какие еще поездки?! Лучше подумай о поступлении в наш университет. Ты мог бы стать юристом. Синьор Арне обещал похлопотать за тебя.

Глава 3. Маркиз Бертран Арне

Я оставил спорящих мать и сына одних, а сам направился к вилле маркиза Бертрана Арне, располагавшейся в престижном пригороде Неаполя, где со своими семействами жили аристократы. Мне хотелось кое о чём порасспросить маркиза, который был в некоторой степени моим приятелем.

Вилла маркиза Арне представляла собой красивое двухэтажное здание, построенное примерно сто лет тому назад, каким-то местным купеческим семейством, претендовавшим на знатность. С конца шестидесятых годов прошлого столетия, если не ошибаюсь, её владельцем стал маркиз Арне, отец Бертрана.

Отец Бертрана, маркиз Гуго Арне, заявился, о, прошу прощения, я хотел сказать, появился, в южной Италии вместе с герцогом Карлом Анжуйским, который договорился о сотрудничестве, так сказать, с папой римским Урбаном IV²⁴, тоже, кстати, французом. Урбан IV предложил трон сицилийского короля Карлу Анжуйскому, надеясь на его поддержку. Правда, прежде чем стать королем Сицилии Карлу Анжуйскому пришлось вести многолетние войны, и вот в них то и отличился маркиз Арне, отец моего приятеля Бертрана.

²⁴ Урбан IV (1195-1264) – француз Жак Панталеон Кур-Пале, с 1261 года – Папа Римский.

После того, как Карл Анжуйский разделался с главными своими врагами в южной Италии, и, став настоящим королем Сицилии, он щедро наградил французских баронов и рыцарей, воевавших на его стороне. В числе награжденных оказался и маркиз Гуго Арне, которому достались обширные земельные владения на Сицилии и на материковой Италии. После того, как Карл Анжуйский перенес столицу своего королевства из Палермо в Неаполь, маркиз Арне приобрел несколько домов и виллу на берегу Неаполитанского залива.

Как я уже говорил, эта вилла была построена в начале XIII века в престижном пригороде Неаполе. За сто лет, минувшие с момента её постройки, она приобрела еще более respectable вид, чем раньше. Этому способствовало большое количество деревьев, росших возле неё. С террасы второго этажа открывался прекрасный панорамный вид на Неаполитанский залив.

Когда я появился у ворот этой виллы, было почти пять часов вечера. Я рассчитывал, что отпрыск знатного французского рода уже съел свой полдник и теперь, как обычно, отдыхает на террасе или в тени деревьев. Меня встретил один из слуг маркиза, крепкого телосложения малый, которого я раньше еще никогда не видел, и попросил подождать, пока он узнает, примет ли меня его хозяин или нет. Слуга вернулся через пять минут, и сообщил, что маркиз Арне ждет меня на террасе. В сопровождении преданного слуги (выполняв-

шего, видимо, и функции телохранителя) я скоро оказался на террасе.

– Неужели это ты, мой друг?! – воскликнул при моем появлении маркиз Арне.

– Да, синьор. Это я.

– Проходи, присаживайся, – он указал на стоявший в тени стул.

Арне дружелюбно смотрел на меня, на его губах была смущенная улыбка.

– Ты уж извини, Франческо, но я не мог погасить твои долги. Прилично их у тебя накопилось. Но я рад, что ты сумел выпутаться из этой истории!

«И попал в новую историю, которая еще более опасная», – подумал я.

Маркиз Арне, несмотря на свое кажущееся богатство, не мог мне помочь выпутаться из долговой ямы. На это было несколько причин. Маркиз проигрывал значительные суммы денег в азартные игры. Во всяком случае, так было раньше. В последнее время он играл и проигрывал значительно меньше, чем раньше. Кроме того, Бертран слыл большим меценатом, поклонником искусств и любителем книг. На всё это он тратил и продолжал тратить очень большие деньги. Если же добавить к этому расходы на содержание дома в Неаполе и виллы в его окрестностях, то становится понятно, почему сумма моего долга даже ему показалась значительной.

– Ничего, я не в обиде, синьор маркиз, – сказал я. –

Мне повезло, что нашлись люди, которым понадобились мои услуги. Они мне помогли выбраться из тюрьмы.

Я протянул руку к кувшину и налил себе в серебряный кубок вина. Виноградный напиток оказался прохладным, немного терпким, но очень вкусным. Маркиз Арне не скупился на еду и напитки для своих друзей и гостей.

– Интересная история, – задумчиво проговорил хозяин виллы, рассматривая меня. – Вероятно, этим людям нужны какие-то особенные услуги, если они заплатили твои долги, Франческо. Пятьсот золотых флоринов – это много.

– Восемьсот флоринов, – поправил я. – Эти люди заплатят еще триста флоринов за кое-какую работу.

– Неужели? Кто они? Что ты должен сделать?

– Вот как раз об этом я и хотел поговорить, маркиз. Хочу услышать, что ты об этом скажешь.

– Говори, я тебя слушаю.

– Мои долги погасил какой-то флорентинец. Кто он – я не знаю. Назвался он синьором Николо Роцци...

– Подожди, – прервал меня маркиз, и добавил вполголоса: – Пойдем погуляем в саду, там так хорошо сейчас в это время года.

Мы поднялись со стульев, спустились по мраморной лестнице с террасы, и оказались в цветущем весеннем саду, в котором между деревьями стояли античные статуи. Вилла маркиза буквально утопала в зелени и цветах, а лёгкий свежий ветерок с Неаполитанского залива заставлял чувствовать се-

бя будто бы в раю.

– В Неаполе о флорентинцах сейчас нужно говорить шепотом, – уведомил меня мой приятель, когда мы очутились возле апельсиновых деревьев и пальм. – Так что там с флорентинцем? Что ему нужно?

Я рассказал о предложении таинственного незнакомца, ничего не утаив. Только имя венецианца, которого мне предстояло убить, я не назвал. Маркиз слушал внимательно, не перебивая, только задав несколько уточняющих вопросов. Этот потомок французских рыцарей умел слушать.

По окончании моего рассказа, а на него потребовалось немного времени, мы несколько минут шли по каменной тропинке, по бокам которой росли какие-то большие красные цветы. Бертран молчал.

– Ты попал в очень непростую ситуацию, Франческо, – наконец заговорил он. – Очень плохая история.

– Это я сам знаю, – буркнул я. – Но что же мне оставалось делать? Гнить в тюрьме?

– Понимаешь, друг мой, сейчас между Флоренцией и Венецианской республикой сильно обострилась конкуренция. Флорентийские торговцы и банкиры уже несколько десятилетий вкладывают деньги в наше королевство. Карл Анжуйский²⁵, как ты знаешь, именно благодаря деньгам флорентийских банкиров сумел стать королем. Влияние флорен-

²⁵ Карл I Анжуйский (1227-1285) – с 1246 года – граф Анжу, Мэна, Прованса и Форкалькье. В 1266-1288 гг – король Сицилии, с 1266 года – король Неаполя.

тинцев сейчас очень велико в Неаполе. Флорентийские банкиры Фрескобальди, Барди, Перуцци и другие дают кредиты нашему королю. И он их охотно берет. Взамен они имеют право беспошлинной торговли и другие привилегии. Да у нас в самом Неаполе уже есть улица, которую так и называют – Флорентийская улица.

Тут мой приятель ненадолго задумался, а затем продолжил:

– Что же касается венецианцев, то они тоже давали кредиты Карлу Анжуйскому, потом Карлу II Хромому²⁶, а сейчас, – он заговорил почти шепотом, – и Роберту, нашему королю, благослови его имя. В Апулии²⁷ у венецианцев есть несколько баз для их флота. Да что там, венецианские консулы в Апулии даже выполняют функции судей. В общем, Флоренция и Венеция имеют очень большие интересы в нашем королевстве. Видимо, человек, к которому у тебя дело, чем-то очень сильно помешал флорентийским торговцам или банкирам, что, впрочем, одно и то же.

* * *

Кое-что из этого я и сам знал. Достаточно иметь глаза и уши, чтобы быть в курсе некоторых общеизвестных проек-

²⁶ Карл II Хромой Анжуйский (1248-1309) – король Неаполя.

²⁷ Апулия – восточный регион Италии. Самые большие города – Бари, Аветрана, Лечче, Таранто, Фоджа.

тов флорентинцев и венецианцев в Неаполитанском королевстве. Другое дело, что многие из нас, в том числе и я, просто не задумываются о том, что между этими двумя партиями ведется настоящая война.

Через три года после описываемых событий, Флорентийская республика и Венецианская республика подпишут договор, который укажет права этих государств в Неаполитанском королевстве. Победителем в этой «тихой» войне вышла Флоренция. Однако Венеции все-таки удалось сохранить свои позиции в Апулии.

Флорентийские богачи сделали ставку на Неаполитанское королевство еще в середине XIII века, поддержав Карла Анжуйского. К сожалению, покровительство Роберта не спасло войска Флоренции от двух болезненных поражений, которые им нанесли властители Пизы и Лукки. Сначала в 1315 году при Монтекатини флорентинцев разбил Угуччоне делла Фаджюола, а потом, в 1325 году, при Альтопашио их победил Каструччо Кастракани. И даже деньги флорентийских богачей не помогли. Впрочем, не будем забегать вперед. Эти события достойны отдельного рассказа.

Пока же позвольте мне вернуться к беседе с Бертраном. Солнце уже давно перевалило свой зенит и уже не спеша, но неотвратимо клонилось к закату.

– Что же вы мне можете посоветовать, маркиз?

Он без промедления ответил:

– Позволь мне дать тебе совет, как младшему брату. Уез-

жай из Италии. Завтра отправляется корабль в Тулон. Поживешь некоторое время в Провансе у моих родственников, или где-нибудь еще во Франции. Там тебе будет спокойней. Если не захочешь остаться во Франции, можешь поехать куда угодно, хоть в Испанию или в Англию.

Хороший совет, которому при других обстоятельствах я бы обязательно последовал. Это совет настоящего друга. Но я не хотел обманывать флорентинца. В мои планы входило вызвать на поединок Марио Фальеро, убить его или погибнуть самому. Впрочем, погибать я не собирался. Однако, всё в руках Божьих, как учит нас наша католическая Церковь. Об этом и я поспешил сказать Бертрану.

– Благодарю за совет, но я не могу ему последовать. В Милане у меня остались родственники. Я не хочу, чтобы месть обманутых флорентинцев их коснулась. Я поеду в Венецию, подожду благоприятного случая, и вызову того, кого нужно, на поединок. И я очень постараюсь победить в этом поединке.

Маркиз молчал. Мы шли по дорожке, выложенной каменными плитами.

– В таком случае, мой дорогой Франческо, я поеду с тобой, – неожиданно для меня сказал этот аристократ.

Я удивленно посмотрел на него. Такого поворота событий, признаюсь, я совсем не ожидал.

– Если уж я не смог заплатить за тебя деньги, то постараюсь помочь тебе в этом деле. Чувствую, это будет интересное

приключение. Тем более, что мне пора немного отдохнуть от внимания графини Беатриче делла Ворча.

Лицо его озарила довольная хитрая улыбка, и он продекламировал:

Обманчив дерева наряд зеленый,-
О девушке суди не по глазам,
А в сердце глянь поглубже – пусто там.
Нет, лучше юных опасаться дам,
За нею не гонись, неугомонный,
Зеленым цветом юности прельщенный.²⁸

Двадцатидвухлетняя герцогиня Беатриче делла Ворча была придворной дамой при королеве Санче. Ей восхищались практически все дворяне Неаполитанского королевства. Причем восхищались, скажу откровенно, вполне заслуженно. Некоторые счастливицы, а таких можно было пересчитать на пальцах одной руки, могли бы поклясться, что она полностью соответствует своему имени²⁹.

Беатриче рано вышла замуж, в тринадцатилетнем возрасте, и также рано овдовела, в пятнадцать лет. Детей у неё не было, зато было много плодородных земель в Кампании³⁰, и это обстоятельство делало её завидной партией для любого

²⁸ Фрагмент сонета «Данте – к Чино да Пистойя»

²⁹ Беатриче – в переводе означает «приносящая счастье».

³⁰ Кампания – регион вокруг Неаполя.

местного аристократа. Однако, герцогиня не спешила вновь вступать в законный брак, отдавая предпочтение жизни при дворе, со всеми его развлечениями и интригами.

Роман между герцогиней делла Ворча и маркизом Бертраном начался год назад. Никто не думал, что этот роман будет продолжаться так долго, но, видимо, между герцогиней и маркизом возникли настоящие чувства...

– Лучше не надо, – запротестовал я. Это мое личное дело.

– Нет, я же сказал уже. Я, в некоторой степени, чувствую себя твоим должником. Поэтому постараюсь тебе помочь в Венеции. Одному там проще простого оказаться в грязном канале.

«Вдвоем это тоже очень просто», – подумал я.

Переубедить маркиза у меня не получилось. В конце концов, я сдался. Маркиз был настойчив и непреклонен, как те старые дворяне Прованса, которые сто лет назад в Лангедоке огнем и мечом искореняли катарскую ересь.³¹

Бертран Арне был чрезвычайно противоречивым человеком. О его увлечении искусством и книгами я уже говорил. Но он также еще являлся и храбрым рыцарем, получившим рыцарские шпоры в 17-летнем возрасте из рук короля Карла II Хромого. Временами в Бертрране просыпалась кровь воинственных предков, и тогда он становился похожим на самого

³¹ Катарская ересь – Катары – в Западной Европе течение в христианстве в XII и XIII вв., которое Римская церковь признала ересью. Исповедовали концепцию о двух равных принципах мироздания (добро и зло).

дьявола – сладу с ним не было.

Он был среднего роста, но с очень сильными мускулами. На лице у него виднелось два узких шрама, появившихся отнюдь не из-за того, что он в детстве падал с яблони. Лет пятнадцать Бертран гнался за военной славой, пока из-за очередного ранения, впрочем, не оказавшего на его здоровье почти никакого влияния, он изменил образ жизни, стал меценатом и любителем искусств. Такой спокойной жизнью он был вполне доволен. Но я знал, что Бертран до сих пор время от времени упражняется с мечом, и он по-прежнему отлично им владеет. Возможно, от придворной жизни пострадала его реакция, но она, как известно, имеет свойство возвращаться в самые необходимые человеку моменты.

– С нами поедет Джованни, мой слуга, – сказал маркиз. – Он нам пригодится. Поступил ко мне в услужение четыре месяца назад по рекомендации одного моего родственника. Хороший малый, расторопный, и не трус. Может при случае помочь мечом или кинжалом. К тому же, он не любит болтать. Слово из него буквально клещами не вытянешь.

– Это тот слуга, который встретил меня у ворот?

– Да, он. Может так случиться, что он нам пригодится. Ну так берём его с собой, ты не возражаешь?

Я кивнул головой в знак согласия. Если маркиз считает, что нам пригодиться этот Джованни, то так оно, видимо, и есть. В любом случае, надежный человек в Венеции нам не помешает.

– Джованни, – крикнул маркиз, и через несколько секунд слуга предстал перед нами. Видимо, он находился где-то поблизости, охраняя своего хозяина.

– Познакомься с синьором Франческо да Рива. Мы вместе с ним поедem в Венецию. Ты будешь нас сопровождать. Предстоит опасное путешествие. Ты меня понимаешь?

На лице Джованни я не заметил никаких эмоций. Он как должное принял известие о предстоящем ему опасном путешествии, ничуть этому не удивился и не испугался. Я повнимательней присмотрелся к новому слуге моего приятеля. Судя по всему, к опасностям ему не привыкать. Ему было не больше тридцати лет. Среднего роста, правильные черты лица, тонкие волевые губы, серые глаза, короткие черные волосы, телосложение крепкое, плечи широкие, а руки – мускулистые. Не знаю, к чему такие руки более привычны – к фехтованию мечом или к гарrote, – но уж точно не к письменным принадлежностям.

В общем, впечатление о новом слуге Бертрана у меня сразу сложилось, как о бывалом малом, много повидавшем на своём веку. В дальнейшем это мнение только подтвердилось.

Джованни уважительно поклонился мне, а затем спросил у своего хозяина:

– Когда выезжаем?

Мы с маркизом переглянулись. Я пожал плечами, так как пока не мог ответить на это вопрос.

– Скоро. Через пару дней. Приготовь всё, что нам может

понадобиться. А пока можешь идти.

Мы опять остались с маркизом вдвоем. Его слуга удалился также тихо и незаметно, как и появился.

* * *

К себе на квартиру я вернулся, когда еще не было *compieta*³². Только минут через тридцать, когда я уже разделся, умылся и прилег на кровать, колокола церковью пробили повечерие. Луиза меня встретила с радостной улыбкой, и попробовала накормить ужином. От ужина, но не от улыбки, я отказался, так как поел на вилле у маркиза.

– Джакопо опять нет дома, несносный мальчишка. Что у него в голове, непонятно, – пожаловалась моя хозяйка.

– Наверное, у него в голове любовь, – предположил я, и Луиза задумалась над моими словами.

Мы с маркизом решили выехать в Венецию послезавтра, посвятив завтрашний день сборам. Лично мне много времени на сборы не требовалось – я мог ехать немедленно, но Бертран должен был сообщить кое-кому из своих знакомых и родственников о своем отъезде. Подозреваю, что большую часть завтрашнего дня он проведет в обществе Беатриче делла Ворча, что, собственно, вполне понятно и объяснимо.

Наш путь должен был пройти через Рим. В Вечном горо-

³² *Compieta* – повечерие, церковная служба после ужина, соответствует 9 часам вечера.

де мы сделаем короткую остановку, чтобы нанять карету и немного запутать, на всякий случай, следы. Я вначале хотел сразу ехать в Венецию, но маркиз меня отговорил, сказав, что нам следует быть очень осторожными. Действительно, в подобных делах не лишняя никакая предосторожность.

В этом путешествии мы решили по понятным причинам назваться чужими, вымышленными именами. Как-то не очень хотелось, чтобы нас нашли наемные убийцы, отправленные разгневанным семейством венецианского патриция. Если, конечно, у меня получится убить его в поединке. В своих силах я был уверен, но мне приходилось видеть столько нелепых смертей из-за случайностей, что нужно готовиться абсолютно ко всему. Именно поэтому на следующий день я привел в порядок все свои дела, написал несколько писем и приказал Луизе их отправить адресатам, если я не вернусь.

Луиза при этом перекрестилась, и посоветовала мне больше никогда не говорить глупостей.

– Франческо! Что ты такое говоришь?! Мне не нравится такое твое настроение. Очень не нравится!

Я сказал, что лучше быть готовым ко всему, чем не быть готовым ни к чему, и порекомендовал ей найти себе мужа. В общем, день накануне отъезда из Неаполя, был у меня наполнен самыми разными событиями.

Глава 4. «Царица дорог» и спасение Антонии

На следующее утро маркиз Бертран Анре и я отправились на нанятой карете в Рим. Рядом с извозчиком сидел Джованни, слуга маркиза, всё такой же молчаливый и внимательный, как и тогда, когда я его впервые увидел. В поездку с собой я прихватил только болонский меч, кинжал и кольчужную рубаху, которая до поры до времени лежала в сундучке. Бертран тоже не излучал воинственность, но кто знает, что нахъодилось в его двух сундуках, заботливо прикрепленных слугой к карете. Мы решили выдать себя в Венеции за путешественников, едущих по личным делам в Удино. По приезду к конечному пункту нашего путешествия мы планировали выяснить, где бывает Марио Фальеро, после чего я должен был завязать с ним ссору и вызвать его на поединок. Как видите, план был простой. Никаких ночных засад и нападений из-за угла. Мы решили действовать так, как приличествует благородным людям.

Виа Аппиа³³, дорога, по которой везла нас карета, построили много сотен лет назад наши великие предки. Она до сих пор поддерживается в хорошем состоянии. Это тем бо-

³³ Виа Аппиа (Аппиева дорога) – самая большая дорога в Древнем Риме – из Рима в Капую (позднее была проведена до Брундизия). Она проложена в 312 году до н. э. при цензоре Аппии Клавдии Цеке.

лее удивительно, учитывая сколько войн пришлось пережить Италии. К счастью, крестьяне и феодалы больше не разрушали эту дорогу, как это было принято много лет тому назад, когда из неё брали каменные блоки для постройки зданий.

Если быть более точным, то из Неаполя мы выехали не по самой Виа Аппиа, а по Виа Домициана, дороге, построенной в 95 г н.э. по приказу императора Домициана. Только возле небольшого города Синуэсса, славившегося своим морем, вином и лечебными источниками, Виа Домициана соединилась с Виа Аппиа.

Нам часто попадались древнеримские монументальные гробницы и памятники, разрушенные старинные виллы, которые, видимо, построили еще при Юлии Цезаре, руины других старинных римских памятников, катакомбы, служившие когда-то пристанищем для первых христиан Италии.

– *Appia longarum teritur regina viarum*³⁴. «Царица дорог», как говорил поэт Стаций, – произнес Бертран, заметив, что я в задумчивости смотрю на дорогу и окружающие её окрестности. – Кстати, этот Стаций жил в Неаполе, как и мы, только более одной тысячи лет назад. Когда едешь по этой дороге, то почему-то хочется философствовать и говорить на теологические темы, хотя я ни в первом, но во втором не очень силен, как тебе известно.

– А ты знаешь, Франческо, что Данте вернулся в Ита-

³⁴ «Длинных царицей дорог Аппиев путь называют» (лат. поэт Стаций).

лию³⁵? – спросил меня маркиз.

Данте, знаменитый поэт из Флоренции, уже несколько лет жил за границей, но постоянно появлялись слухи о его возвращении на родину.

– Опять вернулся? Бертран, не верь слухам.

– Но на этот раз, это не слухи. Мне сказали об этом, когда я в последний раз был при дворе. Самые свежие новости!

Так в интересных и возвышенных беседах мы в карете проводили время, проезжая мимо небольших городков. Больше всего из них мне почему-то запомнилась Террачина, где мы сделали остановку. Нашу карету у въезда в Террачину, напоминая о былом могуществе Римской Империи, встречала древнеримская арка. Возможно, когда-нибудь Италия станет такой же великой, как и во времена, например, Юлия Цезаря. Во всяком случае, надежда на это остается до тех пор, пока существуют вот такие древнеримские памятники, как эта арка возле Виа Аппиа при въезде в Террачину.

Маркиз Бертран рассказал, что в Террачине есть несколько интересных памятников античности, включая, например, руины форума, императорские виллы, храм Юпитера и храм Августа, ставший в наше время церковью св. Кесария. Некоторые из этих памятников мне посчастливилось увидеть из окна кареты. Особое впечатление на меня произвел стоявший на холме храм Юпитера, внушавший какое-то благого-

³⁵ Точных сведений о том, когда Данте вернулся в Италию нет. Источники называют 1310 год или 1311 год.

вение.

* * *

Возле Формии мы могли повторить судьбу знаменитого древнеримского политика и оратора Марка Туллия Цицирона³⁶, но, к счастью, нам удалось это избежать. Оказывается, даже «Царица дорог» имеет своих слуг, причем слуг плохих. Я говорю о разбойниках, которых нам довелось повстречать недалеко от Формии.

Мы выбрались из кареты в тот момент, когда раздалась серия громких женских криков, быстро перешедших в рыдания и всхлипывания. Нашим глазам предстала следующая картина. На дороге, метров в сорока от нас, стояла карета с распахнутыми дверцами. Недалеко от неё трое разбойников пытались раздеть женщину, которая отбивалась из последних сил. Именно она и оглашала окрестности криками о помощи. Тут же на дороге лежали тела двух человек. Они не шевелились. Вероятно, это были слуги, сопровождавшие женщину. Еще несколько разбойников, не более пяти-шести, возилось возле кареты, осматривая её и выворачивая наружу содержимое сундуков. Стало быть, эта шайка разбойников состояла как минимум из девяти человек. Нас же было двое,

³⁶ Марк Туллий Цицирон (106 г. до н.э.-43 г. н.э.) – древнеримский политический деятель и философ, знаменитый оратор. Убит возле городка Формия во время бегства в Грецию по приказу Марка Антония.

не считая слуги Бертрана и кучера. Однако, слугу нужно было обязательно учитывать, особенно разбойникам, в чем я скоро и убедился.

Виа Аппиа кормила не только различных баронов и других аристократов, а также Римскую церковь, но и вот таких лихих людей, промышлявших на ней даже днем.

Бертран, улыбаясь, достал из ножен свой меч. После этого он молча пошел к карете. Время размышлений прошло, и я тут же последовал за ним. Сердце стала биться быстрее.

Грабители были так заняты своей добычей, как плотской, так и материальной, что вначале даже не обратили на нас внимание. Когда же они все-таки заметили нас, то не смогли правильно оценить ситуацию. Им бы убежать куда-нибудь в близлежащие античные развалины, но вместо этого они решили, что мы можем стать их новой добычей, и жестоко ошиблись. Причем ошиблись все – никто из них после встречи с нами не выжил.

Я догнал Бертрана и пошел с ним рядом, внимательно следя за перемещением разбойников. Те, что рылись в карете, бросили свое занятие, и повернулись в нашу сторону. Трое, которые хотели развлечься с женщиной, тоже решили на время оставить это дело, чтобы заняться нами. Я видел, как один из них ударил женщину по лицу, после чего она упала, замолчала и больше не поднималась, видимо, потеряв сознание.

Когда до неприятеля оставалось шагов двадцать, нас с маркизом обогнал Джованни. В правой руке он сжимал длинный меч, а левой рукой с маленьким круглым щитом прикрывал сердце. Он шел очень легко по древним камням, пружинистым шагом. От него исходила сильная волна ненависти. Я даже на долю секунды приостановил шаг, пораженный этим. В общем, в тот момент этот парень казался воплощением какого-нибудь варварского бога войны. И именно Джованни пришлось пролить первую кровь в нашем походе в республику Святого Марка.³⁷

Разбойники были вооружены мечами и длинными кинжалами – никакого другого оружия я у них не заметил. Защитного вооружения у них тоже не оказалось. Да и зачем им латы и щиты, если они выбирают себе жертв, которые не могут оказать сопротивление?

Не успели грабители приготовиться к отражению нашей атаки, как один из них уже упал на землю, а из горла его текла кровь. Это Джованни молниеносным ударом перерезал ему горло, и тот, не успев ничего осознать, расстался со своей жизнью.

На этом слуга не остановился. Он сделал выпад и поразил

³⁷ Республика Святого Марка – Венецианская республика.

ещё одного разбойника. На этот раз удар пришелся в живот, раненый вскрикнул, попытался сделать шаг назад, но упал, корчась в смертельной агонии.

Тут в дело вступили я и Бертран. Маркиз схватился с двумя противниками, и столько же пришлось на меня. Разбойники быстро потеряли всю свою отвагу, если она, конечно, у них была. Тем не менее, они не бросились в рассыпную. Двое ближайших ко мне разбойников высоко подняли мечи, и угрожающе закричали. Один из них, здоровенный детина с густой черной бородой, попробовал нанести мне удар, но я уклонился, сделал шаг вперед и взмахнул мечом. Удар был такой сильный, что лезвие разрубило моего противника буквально на две половины. Он даже не успел вскрикнуть, молча опустился сначала на колени, потом упал всем телом на землю, где и остался лежать.

В это время Бертран, сражаясь слева от меня, тоже поразил одного из своих противников, а потом атаковал другого. Справа впереди я видел какой-то вихрь кружащихся тел – это Джованни уворачивался от ударов трех разбойников, решивших непременно с ним расправиться. Помочь ему я пока не мог, так как передо мной оставался еще противник. Я нанес ему боковой удар, но он каким-то чудом сумел от него уклониться. Впрочем, при этом он споткнулся и упал на одно колено, чем я и воспользовался. Лезвие меча пригвоздило его к земле, и он больше никому не сможет причинить вред.

Я поднял голову как раз в тот момент, когда Бертран зако-

лол своего второго противника. Только Джованни ещё продолжал наносить и отражать удары, сыпавшиеся на него с двух сторон – перед ним оставалось уже только двое. Мы стояли недалеко. С наших мечей на древнюю Аппиеву дорогу капала кровь. На помощь Джованни мы не спешили, так как он сам прекрасно справлялся.

Слуга маркиза, как оказалось, великолепно владел мечом. Я любовался его быстрыми и точными движениями. Он сделал обманное движение, заставив противника поверить в свои намерения, а потом нанес быстрый удар по его бедру. Из раны сразу же фонтаном брызнула кровь, раненый упал, крича от боли и проклиная всех на свете. Через мгновение меч слуги навсегда прекратил эти завывания. Его напарнику оставалось жить тоже недолго. Он понял, наконец-то, что смерть близка, и попытался убежать, однако Джованни быстро его догнал и всадил лезвие ему в спину. Это был последний разбойник.

Хотя схватка длилась всего несколько минут, но оказалась она очень кровопролитной. Потом возле кареты я насчитал девять трупов разбойников, а также тела еще трех мужчин, находившихся в карете. Все вокруг было залито кровью.

– Хорошая работа, – одобрительно заметил Бертран. – Позвольте выразить тебе, Франческо, и тебе, Джованни, свое восхищение. Приятно, когда рядом с тобой такие хорошие мастера меча.

Мое сердце вскоре опять начало биться в нормальном

ритме. Бертран и его слуга стояли рядом со мной, внимательно осматривая окрестности.

– Кажется, все убиты. Твой слуга неплохо владеет мечом, Бертран. Я рад, что мы его взяли с собой.

Услышав мои слова, Джованни вежливо улыбнулся и поклонился, выражая свою учтивость. С манерами у него тоже было все в полном порядке.

Примерно в пятнадцати шагах от кареты бездвижно лежала женщина. Я подошел поближе, чтобы разглядеть её, и только после этого понял, что это не женщина, а девушка, точнее девочка-подросток лет тринадцати-четырнадцати, не больше. Судя по всему, она принадлежала к знатному роду, о чем свидетельствовала не только карета, в которой её везли, но и надетая на неё одежда. Длинное светло-коричневое платье с золотистыми вставками, разорванное в некоторых местах, а также валявшееся рядом манто прямо говорили о богатстве.

– Мы опоздали, – сказал подошедший ко мне маркиз. – Жаль. Мы совсем немного опоздали.

Он перекрестился, и начал тихо шептать слова молитвы. Тут к нам подошел Джованни, присел на корточках возле девочки, взял в свои пальцы её запястье. Через пару секунд он поднял на нас голову:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.